

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

Olga Togoeva

THE WORKS OF FLESH.

**INTIMATE LIFE AND JUDICIAL POLEMICS
IN THE MIDDLE AGES**

AST Publishing House
Moscow

Ольга Тогоева

ДЕЛА ПЛОТИ.

**ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ СУДЕБНОЙ ПОЛЕМИКИ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(3)
ББК 85.1
Т50

Дизайн обложки *Алексея Родюшкина*

В оформлении обложки использована миниатюра из «Романа о рыцаре Тристане и королеве Изольде» (Chantilly. Musee Conde. Ms. 647, fol. 262)

Рецензенты:

доктор исторических наук А. Ю. Серегина
кандидат юридических наук А. В. Марей

Редакционная коллегия серии «Страдающее Средневековье»:
*Олег Воскобойников, Андрей Виноградов, Юрий Сапрыкин-мл.,
Константин Мефтахудинов*

Тогоева, Ольга Игоревна

Т50 Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. Изд. 2-е, испр. и доп. / О. Тогоева. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (История и наука Рунета. Страдающее Средневековье).

ISBN 978-5-17-164478-9

Эта книга рассказывает о том, о чем обычно молчат исторические источники, — о частной жизни людей эпохи Средневековья и раннего Нового времени, об их личных переживаниях, о супружеской любви и об изменах, о неразделенных чувствах, о дружбе, обидах, попытках решить семейные проблемы самостоятельно или прибегая к помощи официальных инстанций. Героями историй, собранных здесь, стали самые простые обыватели, о которых почти никогда не упоминалось в хрониках, в теологических сочинениях, дидактических трактатах или художественных произведениях. Эти люди могли попасть в поле зрения историка, только если оказывались замешаны в различные преступления и ими начинал интересоваться суд. Материалы уголовных расследований, которые велись во Французском королевстве на протяжении многих столетий, позволяют отчасти проникнуть в сокровенные тайны его обитателей, услышать, как и что они говорили о самых интимных моментах своей жизни существования, узнать, что для них было допустимо обсуждать публично, а что нет, понять, какими правовыми и общекультурными представлениями они руководствовались.

Книга адресована историкам, правоведам, филологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей повседневности и частной жизни.

УДК 94(3)
ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-17-164478-9

© Тогоева О.И., текст, 2024
© Издательство АСТ, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Суд, право и частная жизнь: точки пересечения 9

Часть I МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ ПРАВА И ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИЕЙ

Глава 1. Можно ли говорить о запретном? 21
Глава 2. Честь женщины — достоинство мужчины 58
Глава 3. Бесконечная «прогулка на осле». 92
Глава 4. Свадьба под виселицей 118

Часть II КАЗУСЫ БЕЗ КОНЦА... И БЕЗ НАЧАЛА

Глава 5. История Раймона Дюрана, содомита из Вильфранша . .153
Глава 6. История Джона Райкнера, называвшего
себя Элеонорой 180
Глава 7. История о том, как поссорились Колетт Ла Бюкет
и Жан Ле Мерсье 205
Глава 8. История злоключений Масет де Рюйи,
или О пользе пытки. 228
Глава 9. История о том, кому была неверна Жанна де Брем . . .251
Глава 10. История Амбруаза де Лоре
и его заботливой бабушки 270

Часть III ИСТОЧНИКОВ МНОГО НЕ БЫВАЕТ?

Глава 11. История Гийома де Флави, мужа-тирана
и предателя Франции 287

Глава 12. История Марты Броссье, которая любила, да не вышла замуж.	319
Глава 13. История Маргариты Ле Петур, которая никого не любила, но все-таки вышла замуж.	352
Заключение. О казусах и контекстах	384
Библиография.	390

*Дела плоти известны;
они суть: прелюбодеяние,
блуд, нечистота, непотребство...*
(Послание к Галатам 5: 19)

Введение

СУД, ПРАВО И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Зачем люди обращаются в суд? Казалось бы, ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Они приходят туда, дабы в официальном порядке решить возникшие у них проблемы: отстоять собственные интересы, наказать обидчиков, восстановить честь — собственную, ближайших родственников или друзей. В иных случаях они бывают в суд вызваны — чтобы ответить на поданный против них иск, оправдать свои действия, защититься от обвинений и возможного приговора.

От эпохи Средневековья и раннего Нового времени до наших дней дошло внушительное количество материалов повседневной судебной практики, о какой бы стране Западной Европы мы ни говорили. Для любого исследователя, занимающегося историей права и правосознания, подобные документы представляют огромную ценность, поскольку позволяют изучить не только то, как мыслилось судопроизводство в теории, но и то, как оно велось в действительности. Впрочем, при ближайшем рассмотрении эти многочисленные судебные казусы способны, на мой взгляд, поведать нам нечто куда более интересное, нежели вполне обычные, а порой и откровенно скучные подробности рассмотрения того или иного гражданского или уголовного дела...

* * *

Двадцать второго декабря 1341 г. перед судьями Парижского парламента предстал Клеман Ла Юр, обвинявшийся в преднамеренном убийстве Тибо Бизо и его сына Этьена. Иск против него подал Жан Бризо, второй сын Тибо: он требовал разрешить ему сразиться с ответчиком на поединке, дабы доказать его вину. В ходе следствия, однако, выяснилось, что Клеман совершил не одно лишь это преступление. Будучи человеком женатым, он вступил в интимную связь с женой соседа, Гийома Итье. Опасаясь, что его интрижка будет раскрыта, мужчина приказал отравить мужа своей возлюбленной, убил собственную жену и выбросил ее тело в реку. Затем он велел отравить тех слуг, что помогли ему расправиться

с супругой, а также убить Тибо и Этьена Бизо, случайно прознавших о насильственной смерти несчастной женщины. Наконец, он отравил служанку покойной жены, которая «могла рассказать всю правду» о творившихся в доме Клемана бесчинствах. Судьи парламента, пребывая, очевидно, под большим впечатлением от услышанного, не отважились сразу вынести решение по этому делу и отправили его на следствие, надеясь, что дополнительная информация с места событий поможет им верно оценить степень виновности Клемана Ла Юра и обоснованность претензий его противника, Жана Бризо¹.

В 1405 г. чиновники королевской канцелярии вынуждены были рассматривать не менее запутанное дело, также касавшееся частной жизни нескольких французских обывателей. В письме о помиловании, выданном ими в конце концов на имя Марион, вдовы Жана Булиньи из Шартра, сообщалось о споре, произошедшем между молодой женщиной и неким Тома, приятелем ее умершего мужа. Встретившись однажды на дороге, эти двое разговорились, и мужчина не постеснялся спросить у Марион, «правда ли, что она забеременела от [своего свекра] Пьера де Булиньи, отца покойного Жана Булиньи, ее мужа, и верно ли, что она [на самом деле] ждет ребенка». Это оскорбление, как признавалась просительница, и стало поводом для драки, в ходе которой она смертельно ранила Тома, была осуждена на смерть, но смогла получить королевское прощение².

В том же 1405 г. в уголовном суде Парижского парламента выясняли отношения представители двух почтенных семейств, желавшие сочетать браком своих детей. Из их замысла, впрочем, ничего не вышло, поскольку будущая невеста категорически отказалась выходить замуж, заявив, что уже отдала свое сердце другому — некоему Гоше, «который является ее возлюбленным и в обнаженном виде нравится ей куда больше, чем тот, кого выбрал ей дядя»³. Столь вызывающие откровения девушки породили сначала скандал, а затем и вооруженные стычки ее родственников с семьей отвергнутого жениха.

¹ ANF. X 2a 4, fol. 143 (декабрь 1341 г.).

² “Se il estoy vray qu'elle feust grosse de Pierre de Bouligny, pere dudit feu Jehan Bouligny son mary et qu'il voudroit bien savoir se elle en estoit grosse” (ANF. JJ 160. № 96, ноябрь 1405 г.).

³ “Que estoit homme que plus elle aimoit et l'avoit plus chier tout nu que celui que son oncle lui reservoit” (ANF. X 2a 250v, май 1405 г.).

Осенью 1415 г. супруги Ламбер, проживавшие во французском городке Бернувиль, отправились как-то вечером в гости. Там жена Жана Ламбера — то ли в шутку, то ли всерьез — обратилась при всех собравшихся к мужу, похлопывая его ласково по щекам, с предложением «сегодня трижды устроить ей брачную ночь»¹. Мужчина возмутился столь откровенным поведением своей второй половины и заявил, что «добропорядочной даме не пристало выражаться подобным образом в чужом доме»². Дело кончилось потасовкой между супругами и тяжелым ранением молодой женщины, за что господина Ламбера и отдали под суд. Впрочем, он сумел получить письмо о помиловании, особо упирая на тот факт, что вывел его из себя неприличный поступок жены...

* * *

Несколько коротких зарисовок, совершенно произвольно выбранных мною из огромного числа похожих дел, рассмотренных в судах Французского королевства в Средние века и в Новое время, со всей наглядностью демонстрируют, что речь во всех этих случаях шла не только и не столько об истории права и судопроизводства давно минувших эпох, сколько об истории повседневности — о *частной* жизни самых обычных людей, не совершивших никаких особо выдающихся деяний и изначально ничем не примечательных. О них не сообщалось в хрониках, о них не упоминали в личной переписке или в художественных произведениях, а потому мы никогда ничего о них не узнали бы, если бы все они не оказались замешаны в преступления, записи о которых сохранились в регистрах Парижского парламента (высшей судебной инстанции средневековой Франции) или в архивах королевской канцелярии.

Только источники такого типа, по моему глубокому убеждению, способны предоставить нам относительно полную и объективную информацию о повседневной жизни абсолютно реальных и совершенно конкретных людей прошлого и — самое главное — об их *интимной* жизни, о переживаниях, связанных с семейными, дружескими, а порой и профессиональными интересами. Супружеская любовь и супружеская неверность, неразделенные чувства, месть, обида, способы разрешить конфликты «частным» образом,

---

¹ “Commença a frapper sondit mary des paulmes parmi les joes en lui disant qu’il lui feroi la nuyt trois fois les noces” (ANF. JJ 169. № 3, октябрь 1415 г.).

² “Ce n’est pas dist de preude femme de ainsi parler en autruy hostel” (Ibid.).

не прибегая к помощи официальных инстанций, — вот о чем сообщают нам судебные регистры. Как все это воспринималось простыми обывателями, чем были для них любовь, дружба, ненависть — вот что, как мне кажется, действительно может узнать исследователь, изучая протоколы гражданских и уголовных дел.

Конечно, материалы судебной практики эпохи Средневековья или Нового времени — опасный источник. Их серийный характер — всего лишь видимость, в действительности скрывающая отдельные фрагменты мозаики: нерегулярность ведения записей, утрату отдельных регистров (каждый из которых охватывал от пяти до десяти лет) и даже целых архивов¹, но прежде всего — авторский характер тех выборок, которые дошли до наших дней. Речь, таким образом, идет не просто о фрагментарности информации, которую предоставляют нам данные источники. Важнее то, что она *a priori* является *отредактированной*, прошедшей через руки писцов, присутствовавших на слушаниях; самих судей, контролировавших не только следствие по уголовным (или гражданским) искам, но и письменную фиксацию принятых по ним решений; наконец, судебных секретарей, отвечавших за составление регистров уже рассмотренных дел. Именно эти тексты и становятся

---

¹ Классическим примером является в данном случае ситуация, сложившаяся с архивами королевского суда Парижа — Шатле. От всего средневекового периода его существования мы располагаем лишь тремя сборниками документов. Первый из них — «Уголовный регистр Шатле» за 1389–1392 гг., составленный секретарем суда Аломом Кашмаре: ANF. Y 10531; *Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392* / Ed. par H. Duplès-Agier. 2 vol. P., 1861–1864. Второй — список заключенных, помещенных в Шатле с 14 июня 1488 г. по 31 января 1489 г., в котором имена этих людей (2146 мужчин и 367 женщин) сопровождаются очень краткими описаниями обвинений, выдвинутых против них: ANF. Y 5266^A — *Registre des prisonniers entrés au Châtelet* (14 juin 1488 — 31 janvier 1489). Наконец, в 1982 г. были найдены фрагменты еще одного списка заключенных Шатле — за 24 апреля — 24 мая 1412 г. Шесть листов, содержащих этот перечень, в XV в. использовали для переплета печатной книги, и таким образом они сохранились до наших дней. Обнаруживший их переплетчик Дж. Р. МакКлуркин преподнес свою находку в дар библиотеке Калифорнийского университета, и в 1999 г. они были, наконец, изданы: *Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A. Le Châtelet de Paris au début du XVe siècle d'après les fragments d'un registre décroûs de 1412* // BEC. 1999. T. 157. P. 565–606. За исключением указанных документов от средневековых архивов Шатле не сохранилось более ничего, что крайне затрудняет изучение истории данного учреждения. Несколько более полной информацией об этой королевской тюрьме мы располагаем, лишь начиная с середины XVII в.: в архиве префектуры полиции Парижа сохранились списки заключенных Шатле за 1651 и 1669–1790 гг.

в конце концов нашими основными источниками по истории права и правосознания, и мы прежде всего обязаны учитывать в своей работе обстоятельства их возникновения.

Иными словами, судебные протоколы эпохи Средневековья и Нового времени ни в коем случае нельзя назвать беспристрастной констатацией фактов: это отнюдь не стенограмма заседаний, состоявшихся в далеких XIV, XV, XVI или XVII веках. Скорее, мы имеем дело с *интерпретацией* этих фактов и не можем рассчитывать на полную объективность полученных сведений — как не можем на их основании делать и какие-то обобщающие выводы. Необходимо прежде всего понимать, зачем создавался тот или иной документ, какие цели преследовал его автор, каково было его личное отношение к описываемым событиям. Ибо чаще всего мы имеем дело с сознательным или неосознанным искажением действительности как со стороны судей и их секретарей, так и со стороны истцов и ответчиков — в угоду самым разным, индивидуальным или же групповым, интересам: правовым, политическим, религиозным или сугубо личным. И изучаем мы события прошлого исключительно в *трактовке* их главных участников.

Вторая немаловажная проблема, с которой сталкивается историк, задумавший изучать частную жизнь людей Средневековья или Нового времени с использованием материалов судебных архивов, — отсутствие *полной* картины произошедшего в каждом конкретном случае. У нас имеются лишь обрывки сведений о судьбе того или иного человека, только то, что попало в поле зрения судебных чиновников, то, о чем истец или ответчик счел необходимым поведать на заседании или в прошении на имя короля. Иными словами, зачастую перед нами оказываются рассказы без начала и без конца, и очень редко исследователю удастся воссоздать историю своих героев в более или менее полном объеме или детально описать хотя бы небольшой ее фрагмент.

Конечно, иногда историку просто везет, и он находит в тех или иных судебных архивах целую серию документов, посвященных одной и той же семье. В подобном случае у него действительно появляется шанс узнать об этих людях множество интересных подробностей. Одним таким казусом могу похвастаться и я. В регистрах Парижского парламента мне посчастливилось обнаружить не только любопытную запись о тяжбе между знатной французской дамой и ее вторым мужем, но и внушительное количество упоминаний о ее ближайших род-

ственников, которые, как выяснилось, так любили судиться со своими соседями, что подробности их жизни удалось проследить на протяжении сразу нескольких десятков лет. Таким образом, их вздорное поведение, становившееся причиной появления все новых уголовных и гражданских исков, способствовало нахождению информации о жизни всего семейства, что помогло пролить свет и на обстоятельства того дела, которое интересовало непосредственно меня¹.

Впрочем, в моей исследовательской практике — как, уверена, и у большинства моих коллег — встречались и совершенно безнадежные, на первый взгляд, ситуации, когда тот или иной судебный казус оказывался абсолютно уникальным, и никакой — правовой, политический или религиозный — контекст подобрать для него было почти невозможно. С такими историями без конца и без начала историк должен вести себя особенно аккуратно, о чем свидетельствует рассмотренное ниже единственное известное на сегодняшний день уголовное дело об английском бисексуале XIV в., занимавшемся проституцией². Ни судебные чиновники, арестовавшие и допросившие этого человека об обстоятельствах его непростой жизни, ни современные историки не были в состоянии представить исчерпывающее объяснение данного феномена. Для издателей и весьма небольшого числа западноевропейских исследователей, посвятивших данному казусу свои работы, наиболее очевидной показалась его интерпретация в рамках гендерной истории. Хотя ни в Англии, ни в континентальной Европе эпохи позднего Средневековья не существовало понятия «гендер» и всех связанных с ним культурных коннотаций...

Наконец, третьей существенной проблемой, которая видится мне в изучении истории повседневности (и в том числе истории частной жизни людей прошлого), является *описательность* языка таких исследований, отсутствие в них четкой *проблематизации* собранных сведений. На первый взгляд, в подобном позитивистском (пусть даже в лучшем смысле этого слова) подходе нет ничего плохого. Стоит лишь перечитать какую-нибудь хронику, изучить чью-то частную переписку или заглянуть в книгу счетов, и повседневная жизнь авторов и героев этих текстов предстанет перед нами во всей красе — и нам останется лишь рассказать о ней. Однако здесь-

---

¹ См. ниже: Глава 9.

² См. ниже: Глава 6.

то, как мне кажется, и кроется главная ошибка, ибо простой пересказ событий прошлого еще не может претендовать на звание исторического исследования, и уж тем более не является им описание единичного казуса. Над проблематизацией каждого такого случая приходится думать отдельно, дабы не ошибиться и не создать для него *вымышленный* контекст, родившийся не из объективных данных источников, а в голове самого историка.

* * *

В полной мере осознавая встающие передо мной эти и многие другие проблемы как методологического, так и сугубо источниковедческого характера, я, тем не менее, все же решила рискнуть и представить на суд читателей собственную версию истории частной жизни людей эпохи Средневековья и (отчасти) Нового времени. Конечно, и она останется своеобразной авторской выборкой и будет, вне всякого сомнения, отличаться фрагментарностью. Дабы хоть как-то сгладить подобный эффект, а также для того, чтобы истории отдельных людей, о которых мне более всего хотелось рассказать, не повисали в воздухе, я посчитала необходимым отвести весь первый раздел книги вопросам, так сказать, теоретическим.

Свое исследование, таким образом, я начну с вопроса о *допустимости* публичного обсуждения деталей частной и интимной жизни, с точки зрения самих людей эпохи Средневековья, и попытаюсь разобраться, являлась ли подобная тематика для них безусловным табу, или же существовали некие обстоятельства, при которых такой разговор вполне мог состояться. Насколько противоречивы оказывались мнения по данному вопросу среди просвещенных интеллектуалов и среди простых обывателей; как эта тема освещалась в источниках различной жанровой принадлежности; что именно считали возможным рассказать в зале суда участники заседаний — истцы и ответчики, а также представленные ими свидетели, — на какие моменты они обращали особое внимание, что пытались скрыть от внимания собравшихся и какие цели преследовали в своих откровениях.

Не менее важным станет для нас и предварительный анализ тех *правовых норм*, которыми руководствовались люди эпохи Средневековья и Нового времени при решении проблем, возникавших перед ними. Какие действия они безоговорочно относили к уголовным преступлениям, совершенным на сексуальной почве,